

С л о в о,

произнесенное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря при воспоминаніи страстей Христовыхъ въ пятокъ третьей недѣли великаго поста (27 февраля 1904 года).

О дѣятельномъ исполненіи нравственнаго закона Божія, какъ залогъ личнаго и общественнаго благополучія.

Аще хотите и послушаете Мене, блазая земли снѣсте: аще же не хотите, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястѣ: уста бо Господня глаголаша сія (Исаіи 1, 19—20).

Аще хочещи внити въ животъ, соблюди заповѣди (Матѣ. 19, 17).

Во время земной жизни Господа нашего Иисуса Христа Ему иногда предлагались вопросы, касавшіеся *внѣшнихъ* судебъ того или другого лица, того или другого дѣла. Замѣчательно, что Господь, Который *вѣдѣше* ося (Ин. 2, 24) и Который въ другое время Самъ открывалъ своимъ ученикамъ грядущія судьбы Іерусалима и всей вселенной, по большей части отклонялъ подобные вопросы. Такъ, когда Господь, въ одно изъ сво-

ихъ явленій ученикамъ по воскресеніи, далъ разумѣть апостолу Петру, какою смертію прославить Бога, тотъ спросилъ Своего возлюбленнаго Учителя о томъ, что ожидаетъ впереди другого ученика Христова,—того, *егоже любяше Іисусъ: Господи*,—сказалъ онъ,—*сей же что?* готовится ли и ему тотъ путь страданій и мученической смерти, который только что предреченъ апостолу, исповѣдавшему предъ Господомъ любовь свою къ Нему. Но Господу не угодно было открыть грядущихъ судебъ Своего возлюбленнаго ученика,—Онъ сказалъ Петру: *аще хочу, да той пребываетъ, дондеже прииду* (если Я хочу, чтобы тотъ оставался въ живыхъ до Моего второго пришествія), *что къ тебѣ* (что тебѣ до того)? *Ты по Мнѣ иди* (См. Ін., гл. 21),—вмѣсто того, чтобы пытаться проникнуть въ сокрытыя отъ человѣческаго взора *внѣшнія* судьбы нашей жизни, осмотришь вокругъ себя, чтобы опредѣлить то *направленіе*, въ какомъ лежитъ горній Іерусалимъ, царство небесное,—напряги всѣ усилія своей воли къ тому, чтобы отрѣшиться отъ страстей и похотей, омрачающихъ твое сознаніе и расслабляющихъ твои силы, столь необходимыя для труднаго путешествія,--возьми *крестъ* свой, крестъ неусыпныхъ трудовъ надъ созиданіемъ царства Божія въ себѣ и ближнихъ, крестъ скорбей и лишеній, вводящихъ однако въ неприступную радость, и--слѣдуй за Мною по тому пути, узкому, тернистому и каменистому, которымъ и Я шелъ во дни своего обнищанія. Тяжелъ этотъ путь, но ты будешь на немъ не одинъ: Я неизмѣнно буду около тебя съ своею благодатною помощію; тяжелъ этотъ путь, но вѣдь онъ—и только онъ—вводитъ въ вѣчную жизнь въ царствѣ правды. Конечно, итти по каменистому пути въ безпросвѣтной мглѣ, безъ твердой

надежды добраться до конечной цѣли своего путешествія,—о, это невыразимо тяжело, но погоди отчаиваться: взглядишь впередъ—тамъ уже занимается заря грядущаго невечерняго дня. Бери же свой крестъ и слѣдуй за мною безъ сомнѣній и колебаній,—въ той увѣренности, что хоть и встрѣтишь на пути напасти и скорби, но въ концѣ концовъ придешь въ вождельнную страну... Другой разъ, когда Господь, предъ своимъ отшествіемъ изъ этого міра, бесѣдовалъ съ учениками о царствіи Божіемъ, они направили свое вниманіе на тѣ временныя грани, которыми опредѣляются *внѣшнія* судьбы царства Божія (ибо основы этого царства вѣчны и неизмѣнны): *Господи,—спросили они,—аще въ лѣто сіе устроимъ царствіе израилю* (не въ это-ли время возстановляешь Ты царство Израилю)? Какъ видно, ученики Христовы (вѣдь и они были люди) еще не успѣли отрѣшиться отъ мысли о возстановленіи Христомъ, въ опредѣленный моментъ времени, національнаго еврейскаго царства. Что же сказалъ имъ на это Христосъ? *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта* (не ваше дѣло знать времена и сроки), *яже Отецъ положи во своей власти*; а потому вмѣсто того, чтобы напряженно думать о *внѣшнихъ* судьбахъ вашего родного народа, сокрытыхъ отъ человѣческаго взора приготовьтесь къ выполненію такого призванія, которое переступаетъ границы времени и пространства, хотя и осуществляемая въ этихъ границахъ: *будете Ми свидѣтели не въ Иерусалимѣ, не въ Іудеи только, но и въ Самарѣ и даже до послѣднихъ* (до края) *земли* (см. Дѣян. гл. 1). Будете Ми свидѣтели: какое высокое и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственное призваніе! вы лично видѣли и слышали Меня, вы—самовидцы и слуги Слова (Лук. 1, 2). Это обстоятель-

ство налагаетъ на васъ обязанность повѣдать обо Мнѣ тѣмъ, которые Меня не видали и не слыхали,— повѣдать не только словомъ, воспроизводящимъ Мое ученіе, но и дѣломъ, осуществляющимъ это ученіе,— бросить въ среду людей, алчущихъ и жаждущихъ правды, преобразующую закваску правды, принесенную Мною, съ тѣмъ, чтобы и они сдѣлались искренними и вѣрными сынами царствія Божія. Вотъ куда должны быть направлены ваши завѣтные помыслы и неусыпные труды—на служеніе тому дѣлу, которое неизмѣримо выше заботъ и трудовъ надъ устроеніемъ только *временнаго*, только *земного* благополучія близкихъ вамъ лицъ: дѣло это —созиданіе царства Божія. Не думайте, что, отдавшись этому святому дѣлу, вы тѣмъ самымъ оставите въ небреженіи тѣхъ, кто связанъ съ вами узами общаго происхожденія или совмѣстнаго жительства: вѣдь степень ихъ *истиннаго* благополучія опредѣляется не столько обиліемъ земныхъ благъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, сколько степенью ихъ участія въ той нравственно-созидательной работѣ, къ которой и вы призываетесь. Будетъ ли вашъ сынъ скромнымъ ремесленникомъ или крупнымъ капиталистомъ, простымъ рядовымъ или виднымъ сановникомъ — не этимъ опредѣляется внутренняя цѣнность его жизни: главное въ томъ, будетъ ли онъ во всякихъ условіяхъ жизни истиннымъ христіаниномъ. Равнымъ образомъ, будутъ простираются границы родного вамъ государства отъ востокъ солнца до западъ или нѣтъ—это вопросъ, конечно, не безразличный даже съ точки зрѣнія историческаго призванія вашего народа, поскольку оно требуетъ для своего осуществленія извѣстныхъ *внѣшнихъ* условій; тѣмъ не менѣе *не здѣсь* нужно искать надежнаго мѣрила

для опредѣленія *внутренней* цѣнности той жизни, какою живетъ родное вамъ государство: дѣло въ томъ, служить ли оно проводникомъ въ общественную жизнь тѣхъ началъ, какія завѣщаны Христомъ. А если такъ, то вы лучше всего послужите близкимъ вамъ лицамъ, равно какъ родной странѣ, если отдадите свои силы упорной работѣ надъ водвореніемъ въ дорогой вамъ средѣ правды Христовой. Конечно, это не снимаетъ съ васъ заботъ и о внѣшнемъ благополучіи этой среды, но горе вамъ, если такое благополучіе вы поставите послѣднею цѣлью своихъ стремленій. Нѣтъ, *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся* (всѣ земныя блага) *приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 33)—вотъ та непоколебимая основа, на которой созидается и частное, и общественное благополучіе, понимаемое въ христіанскомъ смыслѣ. Пусть жизнь того или другого лица, того или другого народа проходитъ въ пространственно-временныхъ границахъ,—она должна быть воплощеніемъ *вселенскаго, вѣковѣчнаго* начала жизни: въ этомъ залогъ ихъ внутренней силы, здороваго роста, общественнаго и даже мірового значенія... Таковъ смыслъ того урока, который преподалъ Христосъ своимъ ученикамъ, возводя ихъ мысль отъ временнаго къ вѣчному, отъ преходящаго къ пребывающему, отъ внѣшнихъ условій личнаго или общественнаго существованія къ той вѣковѣчной правдѣ, которая должна въ нихъ воплощаться.

Братіе! Не приходилось ли и вамъ задаваться въ своей жизни такими же вопросами, которые такъ живо занимали учениковъ Христовыхъ: то вопросы о *внѣшнихъ* судьбахъ, ожидающихъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ близкое вашему сердцу

лицо или дѣло, вашу родную страну, наконецъ, все человѣчество? Видя предъ собою богато одареннаго и хорошо направленнаго юношу, не старались ли вы заглянуть въ его будущее, чтобы опредѣлить степень его участія въ общественной жизни, а пожалуй и мѣру его личнаго благополучія? изучая прошлыя судьбы своего народа, не пытались ли вы на основѣ прошлаго намѣтить, хотя бы въ общихъ очертаніяхъ, его будущее,—напередъ предугадать предстоящія ему испытанія и ожидающіе его успѣхи, даже славу? не мечтали ли вы при этомъ объ особенномъ предназначеніи близкаго вамъ лица или родного народа,—о томъ, что первое пойдетъ дальше (если только не затмитъ) своихъ предшественниковъ на томъ или другомъ поприщѣ, а второй скажетъ человѣчеству „новое слово“ объ основахъ общественной жизни? Все это—понятныя думы, все это—близкіе нашему сердцу вопросы, а потому нечего удивляться, что много усилій положено (да и доселѣ кладется) на ихъ разрѣшеніе: историки, политики, поэты, философы, богословы время отъ времени выступаютъ какъ бы въ званіи пророковъ, смѣлою рукою рисуя предъ нашими глазами далекое будущее. И нужно замѣтить, что на ряду съ фантастическими построеніями на этомъ пути создаются проницательныя предположенія, которыя затѣмъ оправдываются дѣйствительнымъ ходомъ событій. Однако, какъ ни напряжены усилія, направленные на разъясненіе будущаго, какъ ни проницательны возникающія на этомъ пути предположенія,—они не идутъ дальше болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ: человѣческая жизнь настолько сложна, что въ этой области едва ли когда мы дождемся такихъ же точныхъ предсказаній, какъ въ области, напр., астрономіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вамъ

не приходилось горько ошибаться въ тѣхъ ожиданіяхъ, которыми вы окружали близкихъ вамъ лицъ? Тотъ умеръ въ самомъ расцвѣтѣ своихъ силъ, когда, казалось, его жизнь была особенно нужна окружающей средѣ, другой—и это неизмѣримо больнѣе—съ тернистаго пути беззавѣтнаго служенія правдѣ свернулъ на торную дорогу личныхъ наслажденій... Больше правды въ вашихъ гаданіяхъ о внѣшнихъ судьбахъ не отдѣльнаго лица, а цѣлаго народа,—съ одной стороны, потому, что въ этомъ случаѣ вы располагаете болѣе богатымъ и надежнымъ матеріаломъ, который вамъ доставляетъ исторія, съ другой стороны—потому, что жизнь цѣлаго народа подвержена случайностямъ въ меньшей степени, нежели жизнь отдѣльнаго лица: есть (напр., между политиками) лица, поражающія своею дальновидностью. Однако и здѣсь возможны крупныя ошибки: какъ ни широкъ кругозоръ даровитаго изслѣдователя грядущихъ судебъ, какъ ни проницателенъ его взглядъ, однако и онъ не можетъ предусмотрѣть всѣхъ условій, какими опредѣляются *внѣшнія* судьбы того или другого народа, — тѣмъ болѣе, что ему, какъ человѣку, трудно освободиться отъ естественнаго пристрастія въ сужденіяхъ о родномъ народѣ, которое сказывается не только въ преувеличенныхъ чаяніяхъ, но и въ чрезмѣрно горькихъ сѣтованіяхъ. Такъ, куда бы мы ни посмотрѣли, мы снова и снова убѣждаемся въ томъ, что *нѣсть намѣ разумити времена и лѣта, яже Отець положи во своей власти*. Слишкомъ велика разница между умомъ божественнымъ и человѣческимъ по объему, по широтѣ захвата, чтобы мы могли предугадать не только общее направленіе, но и тѣ частныя пути, по которымъ пойдетъ въ будущемъ историческая жизнь того или другого народа:

Яко же отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь мой отъ путей вашихъ, и помысленія ваша отъ мысли моея (Исаи 55, 9), глаголетъ Господь.

Однако, братіе, есть въ человѣческой жизни (будетъ ли то жизнь отдѣльнаго лица, цѣлаго народа, всего человѣчества) одна сторона, и притомъ самая существенная, которая извѣстна намъ не хуже, чѣмъ математическія основоположенія или наличные факты, это—основной законъ, которымъ опредѣляется теченіе человѣческой жизни. Сущность его выражена Христомъ въ слѣдующемъ положеніи: *аще хочещи внити въ животъ, соблюди заповѣди, предписанныя закономъ,—заповѣди, касающіяся не внѣшняго обряда, а внутреннихъ основъ нашей жизни,—заповѣди, заложенные въ самую природу человѣка, а потому извѣстныя ему гораздо раньше синайскаго законодательства: заповѣдь сія не доступна для тебя и не далека; она не на небѣ и не за моремъ она, но весьма близко къ тебѣ слово сіе: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ, чтобы исполнять его (Втор. 30, 11—14).* Итакъ, если хочешь жить не призрачною, а дѣйствительною жизнью, соблюди заповѣди, потому что проникновеніе жизни нравственнымъ началомъ—главное условіе ея здороваго роста: разъ это условіе на лицо—предназначенный къ жизни организмъ растетъ и крѣпнетъ, разъ это условіе отсутствуетъ—организмъ разрушается и умираетъ. Это такъ же вѣрно, какъ дважды два=четыре. Усомниться въ этомъ значитъ усомниться въ истинности Христова ученія, по смыслу котораго жизнь управляется не слѣпыми стихійными силами, а волею Божіею, премудрою и всеблагою. Въ гаданіяхъ о внѣшнихъ судьбахъ того или другого лица, равно какъ и народа, мы можемъ ошибаться, но мы не ошибемся, если скажемъ, что безусловно надежной

опорой ихъ жизни служить ея подчиненіе нравственному закону. Сколько лѣтъ проживетъ этотъ юноша на бѣломъ свѣтѣ, какъ сложатся внѣшнія условія его жизни, что именно внесетъ онъ (если только внесетъ) въ сокровищницу тѣхъ благъ, которыя приобрѣтаются неустаннымъ трудомъ человѣчества,—этого никто, кромѣ одного Бога, не знаетъ съ полною несомнѣнностью, но что нашъ юноша заживо умретъ, какъ только похоронитъ святыя завѣты своей совѣсти,—это мы знаемъ съ такою же,—нѣтъ! съ большею несомнѣнностью, нежели то, что завтра снова взойдетъ солнце и пронизетъ своими лучами своды этого храма. Наоборотъ, если юноша будетъ вѣренъ завѣтамъ своей совѣсти даже до смерти, тогда нѣтъ для него смерти: не говоря уже о томъ, что Господь, по неложному своему обѣщанію, призоветъ своего вѣрнаго слугу къ новой, нескончаемой жизни въ невечернемъ дни царствія своего, гдѣ въ полной мѣрѣ раскроются добрыя задатки его природы,—даже здѣсь, на землѣ, не останутся безъ плода тѣ добрыя сѣмена, которыя онъ успѣлъ посеять на отмежованной ему полосѣ. Тому, кто знаетъ, что *иже аще хочетъ душу свою спасти, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене (Христа) ради и евангелія, той спасетъ ю* (Марк. 8, 35), страшны не столько внѣшнія невзгоды, которыя порою волнуютъ и его по человѣческой немощи, сколько нравственное отупѣніе и духовная смерть. Вотъ почему и для своихъ близкихъ онъ проситъ у Бога не богатства, не славы, а чистоты нравственнаго сознанія и твердости воли въ осуществленіи нравственнаго закона, и какъ онъ радуется, когда видитъ дорогихъ ему лицъ ходящими во истинѣ! Что же касается внѣшнихъ судебъ ихъ жизни, онъ предаетъ ихъ въ волю Того, Кто знаетъ,

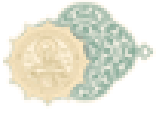

въ чемъ мы имѣемъ нужду, прежде прошенія нашего (Матѳ. 6, 8).

Что вѣрно по отношенію къ отдѣльному лицу, то вѣрно и по отношенію къ цѣлому народу, потому что нравственный законъ, положенный Высочайшимъ Законодателемъ въ основу человѣческой жизни, не знаетъ изъятій: вѣдь онъ не есть результатъ приблизительнаго обобщенія, которое съ расширеніемъ опыта можетъ оказаться несостоятельнымъ; нѣтъ, онъ представляетъ собою выраженіе самой сущности человѣческой природы (человѣкъ потому и человѣкъ, что способенъ подниматься до сознанія обязательности для него нравственного закона). Язычники, которые хорошо не знали происхожденія нравственного закона,—и тѣ признавали его универсальный характеръ, не допускающій изъятій: они преклонялись предъ велѣніями божественныхъ законовъ, не писанныхъ, но вѣчныхъ,—рожденных не вчера и не сегодня, но правящихъ всегда (Софокль, Сократъ) и вездѣ,—преклонялись до готовности отдать свою жизнь за исполненіе непреходящихъ требованій совѣсти. Намъ ли, христіанамъ, сомнѣваться въ универсальной природѣ и всеобъемлющемъ значеніи нравственного закона?! Да не будетъ этого: мы знаемъ, что требованія нравственного закона обязательны не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для цѣлыхъ народовъ, а потому знаемъ и то, что залогомъ здоровой и долговѣчной жизни извѣстнаго народа является служеніе его тому дѣлу, выше котораго, какъ уже сказано, нѣтъ (и не можетъ быть) ничего на свѣтѣ: дѣло это—осуществленіе правды Христовой во всѣхъ областяхъ народной жизни. О томъ, долго ли суждено извѣстному народу жить самостоятельною, политической жизнію, рѣзко ли измѣнятся съ теченіемъ

времени очертанія его владѣній,—обо всемъ этомъ мы можемъ только гадать съ большею или меньшею степенью вѣроятности, потому что *нѣсть наше разумѣти времена и лѣта, яже Отець положи во своей власти*; но что данный народъ тогда только будетъ богоугоднымъ, а слѣдовательно, благополучнымъ народомъ, если самымъ дорогимъ достояніемъ его будетъ правда Божія,—это мы знаемъ съ полною несомнѣнностью, потому что усомниться въ этомъ значило бы усомниться въ существованіи нравственнаго міропорядка, а слѣдовательно, и въ существованіи самого Бога. Если же народъ будетъ попираетъ въ своей жизни требованія совѣсти, тогда его ждетъ нравственное разложеніе, которое едва ли кто признаетъ явленіемъ благопріятнымъ и въ политическомъ смыслѣ. Неложно обѣтованіе Божіе, возвѣщенное чрезъ пророка Исаію: *аще хотите и послушаете Мене, благая земли снѣсте: аще же не хотите, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястѣ: уста бо Господня глаголаша сія*. Исторія подтверждаетъ то положеніе, что нравственное разложеніе народа ведетъ въ концѣ концовъ къ его политической смерти.

Итакъ, въ сложномъ содержаніи человѣческой жизни слѣдуетъ различать вѣчное отъ временнаго, пребывающее отъ преходящаго. Замѣчательно, что въ то время, какъ преходящее сокрыто отъ нашихъ взоровъ, такъ что въ этой области возможно для насъ только гаданіе, пребывающее извѣстно намъ такъ же, какъ наше собственное существованіе, вслѣдствіе чего въ этой области нѣтъ мѣста гаданіямъ: здѣсь—чистѣйшая истина, ясная, какъ день, твердая, какъ алмазь. Не потому ли Господу угодно было сокрыть отъ насъ преходящее, вложивъ вѣковѣчное въ самую нашу природу, чтобы мы жили не для временнаго, а для вѣчнаго?

Братіе! У каждаго изъ насъ есть близкія лица у каждаго изъ насъ есть родина. Естественнo, что наше сердце, подогрѣваемое любовію къ нимъ, побуждаетъ нашу мысль гадать о грядущихъ судьбахъ близкихъ намъ лицъ или дорогой родины, при чемъ такъ хотѣлось бы, чтобы ихъ будущее было велико и славно. Что же! пусть наша мысль пытливо всматривается въ туманную даль будущаго: можетъ быть, ей удастся на этомъ однообразно-сѣромъ фонѣ подмѣтить хотя бы общія очертанія будущихъ событій, а это, въ свою очередь, сообщить большую увѣренность нашей дѣятельности. Не будемъ только изъ-за сомнительныхъ гаданій о временномъ, забывать про вѣчное, несомнѣнное; не будемъ забывать, что каждому человѣку, какъ и каждому народу, поставлена Провидѣніемъ чрезвычайно важная и отвѣтственная задача—осуществленіе въ своей жизни того нравственнаго идеала, который заложенъ въ глубинѣ нашей природы и проясненъ Христомъ Спасителемъ въ его Евангеліи: то идеаль единенія всѣхъ людей въ Богѣ. вмѣсто того, чтобы горделиво мечтать о своей славѣ въ будущемъ (какъ часто подобныя мечты разлетаются, какъ дымъ!), смиренно подумаемъ о своемъ призваніи въ настоящемъ. Несомнѣнно, и нашему народу—съ тѣхъ поръ, какъ Господь призвалъ его къ Себѣ—поставлена высокая задача—слѣдовать за Христомъ, воплощать въ своей жизни Христовы завѣты, быть Ему свидѣтелемъ даже до послѣднихъ земли. *Тако да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ челоѣки, яко да видятъ ваша ообрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѣ. 5, 16),—эта заповѣдь, обязательная для каждаго христіанскаго народа, безусловно обязательна и для насъ, русскихъ. Самымъ положеніемъ своимъ на перепутьи между

христіанской Европой и языческой Азіей (припомнимъ, что Самъ Богъ назначилъ тѣ предѣлы, въ какихъ долженъ обитать извѣстный народъ,—Дѣян. 17, 26) русскій народъ призывается къ тому, чтобы нести христіанскую культуру съ запада на востокъ. Задача—высокая, что и говорить! Не мудро, что она производитъ на многихъ изъ насъ такое сильное впечатлѣніе, что мы готовы говорить объ исключительномъ избранничествѣ того народа, которому она поставлена Провидѣніемъ. Можетъ быть, это и такъ,—спорить не станемъ, однако напомнимъ, что высота задачи, поставленной народу, не даетъ ему права горделиво превозноситься предъ другими народами (нѣсмь, якоже прочіе челоуѣцы!): дѣло не въ постановкѣ только задачи, а въ ея осуществленіи. Мы знаемъ народъ, который былъ возвеличенъ самимъ Богомъ предъ другими народами своимъ исключительнымъ призваніемъ: отъ него Христосъ по плоти, и что же? Теперь этотъ народъ разсѣянъ по всему лицу земли: высота даннаго ему призванія не спасла его отъ политической смерти. Чѣмъ самонадѣяннѣе мы беремся за отвѣтственное дѣло, тѣмъ меньше надежды на благополучный исходъ этого дѣла. Самонадѣянность мало благопріятствуетъ правильному представленію о размѣрахъ собственныхъ силъ, равно какъ о значеніи предстоящаго дѣла. Господу одинаково неугодны какъ малодушное уныніе, такъ и горделивая самонадѣянность: *На кого,—говоритъ Онъ,—воззрю, токмо на кроткаго, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ моихъ?* Конечно, смиреніе не исключаетъ готовности итти на дѣло Божіе, которая на призывъ Господа: *кого Мнѣ послать?* отвѣчаетъ глубоко искреннимъ: *вотъ я, поими меня* (см. Исаіи гл. 6), но тотъ не знаетъ

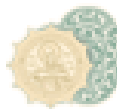
природы человѣческаго сердца, кто въ этомъ „пошли меня!“ прочтетъ самонадѣянность или—что еще хуже для дѣла—совершенно безпочвенную гордость. Нѣтъ, кто увлеченъ высокимъ призваніемъ, тотъ думаетъ не столько о размѣрахъ или выдающихся достоинствахъ своего собственнаго я, сколько о величіи и святости предстоящаго ему дѣла. Между тѣмъ въ нашихъ сужденіяхъ о своемъ національномъ призваніи часто звучитъ не столько сознаніе лежащей на насъ отвѣтственности, сколько превозношеніе величіемъ призванія: мы-де носители великой миссіи. Конечно, мы носители великой миссіи, но что если насъ ради имя Христово не святится, а хулится во языцѣхъ? Нѣтъ, братіе, вмѣсто того, чтобы превозноситься нашимъ высокимъ призваніемъ, подумаемъ надъ тѣмъ, *достойны ли* мы этого призванія: цѣнимъ ли мы, признающіе себя православными христіанами,—цѣнимъ ли мы завѣщанную намъ предками *вѣру* по ея внутреннему существу, а не по ея только значенію для благоустроенія нашей гражданской жизни? Прониклись ли мы духомъ христіанской *любви*,—той любви, которая, по слову апостола, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, а сорадуется истинѣ* (1 Кор. 13, 4—6),—той дѣятельной любви, которая простираетъ свои животворные лучи не только на русскаго, но и на іудея, не только на свободнаго, но и на раба, не только на эллина, но и варвара (Гал. III, 28)? не забываемъ ли мы, болѣе образованные и обезпеченные, о духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ нашей меньшей братіи, которая настоятельно нуждается во всестороннемъ подъемѣ благосостоянія? готовы ли мы освободиться отъ той

лжи, которая въ такой степени опутываетъ нашу жизнь, что мы перестаемъ вѣрить другъ другу? чисты ли мы отъ тѣхъ пороковъ, какіе обличаетъ пророкъ Исаія въ первой главѣ своей книги (ложь, обманъ въ торговыхъ дѣлахъ, мздоимство, лицепріятіе, притѣсненіе слабыхъ сильными и проч.)? Въ то время, какъ одни изъ насъ несуть посильныя лепты на великое народное дѣло, кто—отъ скудости, а кто и отъ избытковъ своихъ, другіе не готовы ли воспользоваться тяжелымъ положеніемъ страны въ видахъ своего личнаго обогащенія? не относится ли и къ намъ тотъ призывъ, съ какимъ обращается только-что упомянутый пророкъ (отъ лица Божія) къ своему родному народу: *олюйтесь,—взываетъ онъ,—очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите—и рассудимъ. говоритъ Господь (Исаи 1, 16—18).* Конечно, этотъ внушительный призывъ относится и къ намъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прислушаться къ заботливому голосу нашей Матери-Церкви, которая такъ увѣщаетъ насъ въ спасительные дни великаго поста: *Приидите, вѣрнии, дѣлаемъ во свѣтѣ дѣла Божія, яко во дни благообразно ходимъ, всякое списаніе неправедное отъ себе ближняго (всякую несправедливую запись на ближняго) отымемъ, не полагаяще претыканія сему въ соблазнъ (стараясь не подавать ему повода къ соблазну), оставимъ плоти сладострастіе, возрастимъ души дарованія, дадимъ требующимъ хлѣбъ, и приступимъ Христу, въ покаяніи вопіюще: Бже нашъ, помилуй насъ.* Останемся ли мы глухи къ этому материнскому призыву?!... Такъ размышленіе о грядущихъ судьбахъ нашей родины переходитъ въ само-

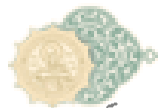
испытаніе, которое особенно потребно для насъ въ настоящее время, когда Господу угодно было ниспослать намъ тяжкое испытаніе. Не будемъ уклоняться отъ самоиспытанія: оно полезнѣе горделивыхъ мечтаній, потому что въ немъ залогъ нашего нравственного оздоровленія, тогда какъ послѣдніе могутъ вогнать внутрь наши болѣзни. Самоиспытаніе не расслабляетъ, а укрѣпляетъ. Укрѣпитъ оно и нашъ народный организмъ, а нравственно крѣпкому организму не страшны самыя тяжкія внѣшнія испытанія: они только закаляютъ его крѣпость. Не бѣда, если буря обобьетъ много листьевъ и даже надломитъ нѣсколько вѣтвей у крѣпкаго дуба съ глубокими корнями и съ здоровою сердцевиной: онъ снова соберется съ силами и зазеленѣетъ, какъ прежде, но не долго ему жить, если въ немъ начала гнить сердцевина... Можно сказать, что нравственное оздоровленіе *на все полезно есть*: разъ намъ суждено Провидѣніемъ утвердиться на Дальнемъ Востокѣ, оно нужно намъ для того, чтобы не на словахъ только, а на дѣлѣ выполнить тамъ наше важное и отвѣтственное призваніе—создать тамъ не растлѣвающую, а оздоравливающую атмосферу; а если (отъ чего да сохранить насъ Господь) суждено намъ пережить рядъ ослабляющихъ нашъ государственный организмъ внѣшнихъ потерь—*нравственная* крѣпость поможетъ намъ снова собраться съ силами. Пока мы нравственно крѣпки, мы переживемъ предстоящія намъ испытанія съ тою стойкостью, съ какою пережили татарское иго, смутное время, нашествіе Наполеона, севастопольскій погромъ. То были тяжкія испытанія, но они не сокрушили русскаго организма, потому что въ немъ не изсякли нравственно здоровые соки. Но что если они изсякнутъ? что если въ этомъ орга-

Труды Киевск дух. Акад. Т. I 1904 г.

низмъ начнется безостановочный процессъ нравственнаго разложенія? что тогда? Тогда... *мечъ вы поясть*. Это такъ же несомнѣнно, какъ и то, что нельзя жить со сгнившими легкими...

Что же намъ дѣлать, братіе, въ виду переживаемыхъ нами испытаній? Отнесемся къ нимъ бодро, безъ малодушнаго унынія, но и безъ горделивыхъ мечтаній, чуждыхъ христіански-настроеннаго духа; посмотримъ, достойны ли мы того высокаго призванія, которое возложено на насъ Провидѣніемъ,—быть свидѣтелями Христу даже до послѣднихъ земли; напряжемъ всѣ свои силы къ тому, чтобы очиститься отъ тѣхъ грѣховъ, которые расслабляютъ нашъ народный и государственный организмъ; подведемъ подъ наши внѣшнія твердыни несокрушимый оплотъ чистой совѣсти и теплой молитвы. Такимъ путемъ мы зложимъ прочный фундаментъ нашего національнаго благополучія, а разъ зложенъ надежный фундаментъ—тогда не пропадетъ даромъ то напряженіе нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, которое вызвано переживаемыми событіями на всемъ пространствѣ нашей дорогой родины. *Всякаго кто слушаетъ слова Мои сѣи и исполняетъ ихъ,—такъ заканчиваетъ Христосъ нагорную проповѣдь,—уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ. А всякій, кто слушаетъ сѣи слова Мои, и не исполняетъ ихъ, уподобится человеку безразсудному, который построилъ домъ свой на пскѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое (Мѳ. 7, 24—27).* Братіе! будемъ строить зданіе нашего національнаго

благополучія на камиѣ, а не на пескѣ... Что же касается внѣшнихъ послѣдствій нашихъ заботъ и трудовъ, то предадимъ ихъ въ волю Того, Кто *отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію* (Дѣян. 17, 26),—въ той увѣренности, что Онъ поведетъ насъ тѣмъ путемъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ нашей нравственной пользѣ.

Отче! о, если бы Ты благоволилъ пронести мимо насъ чашу горькихъ испытаній! Впрочемъ, не наша воля, но Твоя да будетъ (Лук. 22, 42)!

П. Кудрявцевъ.